

Гастроли

Возвращение - 1994 - 21 июля - с. 7

Прельжокаж ставил «Свадебку», а Стравинский падал со стены

37-летний Анжелен Прельжокаж, родившийся в парижском пригороде Шампиньи-сюр-Марн в семье албанских иммигрантов, сегодня едва ли не самый знаменитый хореограф Франции. Опера де Пари Гарнье заказала ему поставить в его собственной версии балеты дягилевской антрепризы: «Парад», «Призрак розы» и «Свадебку» - шедевры Л.Мясина, М.Фокина и Б.Нижинской. То, что эту программу «В честь Русского балета Сергея Дягилева» мы увидели в России через год после премьеры в Париже, - случай беспрецедентный. Раньше такие знаменитые постановки доходили до нас десятилетиями.

Анжелен Прельжокаж согласился дать «БК» эксклюзивное интервью.

- Не страшно было везти свою версию знаменитых балетов в Россию?

- Ну почему. Влияние Русского балета до сих пор ощущается во Франции повсюду, и я не перестаю испытывать его очарование. Меня в данном случае оправдывает моя искренность. В истории балета есть настоящее и как бы нет прошлого, ведь искусству танца только двести лет. «Лебединому озеру» и модерну не противостоят ни одно течение, ибо позиди них нет буквально ничего. Живописцы всех времен перекладывали древнейшие сюжеты на свой манер. Взять хотя бы Моне. В танце же я не нахожу подобных примеров. Но я все-таки обратился к «Призраку розы», поставленному Фокиным более 80 лет назад, я хотел скорректировать наш взгляд на этот балет сегодня, постигнуть его глубину. Я очень подвержен влияниям нашего времени. Например, в балет «Парад» я ввел тексты о событиях в Сараево. Хотя это вовсе не моя политическая позиция.

Программу «В честь Русского балета» я уже показывал во Франции, Италии, Испании, Японии. И мне было интересно: а у вас тот, дягилевский Русский балет помнят. Ваша публика входила в мои спектакли постепенно: от удивления «Парадом» до

бурного интереса и вопросов после «Призрака розы». И наконец с особым вниманием она отнеслась к «Свадебке».

- Как протекает работа над новым спектаклем?

- Сначала это интеллектуальный процесс. Если, например, моей темой будет вода, я буду думать только об этом. Может быть, год. Работа с актерами потом идет быстро. Я действую в основном интуитивно. В работе немногословен. Неделю артисты импровизируют. Они лучше узнают друг друга, каждый находит свое место. Иногда после репетиций получается вовсе не то, что было задумано мною. Но для меня каждый танцовщик - звезда. Верите ли, я сам бываю взволнован, когда вижу, что делают мои танцовщики на сцене.

- Как вы подбираете музыку для своих постановок?

- Во всяком случае, музыка имеет для меня доминирующее значение. Современный танец положил диктату музыки конец. Я считаю, что сейчас есть возможность воссоединить ее с балетом. Это как если бы разошедшаяся пара сошлась вновь, но уже на иной основе - любви и независимости одновременно.

- Есть ли у вас кумиры?
- Американец Мерс Кан-

нингэм много сделал для современного танца. Джером Роббинс уникален: он проделал большую работу «внутри самого танца». Игорь Стравинский - любимый композитор. Ставя «Свадебку», я шел за четкой структурой музыки Стравинского, но ее дикость и первозданность «от а до я» ассоциировались у меня с первобытным албанским обрядом похищения невесты. Во время работы над балетом портрет Стравинского висел в моем доме, но почему-то периодически падал со стены. Мистика...

- Вернетесь ли вы в Москву?

- Моя последняя работа - постановка для Оперы де Пари «Парк» на музыку Моцарта. Мечтаю показать ее в России.

Беседовал Александр ФИРЕР.

На снимке: Анжелен Прельжокаж.